

«Московская правда» 19 мая 1985 г.

ВОСКРЕСНЫЕ
ЧТЕНИЯ

Москва в лицах

МАСТЕРСКАЯ
ЛЕВИТАНА

— Напишите о мастерской Левитана, о ней мало кто знает, — посоветовал мне недавно художник Илья Сергеевич Глазунов, — хорошо бы в ней устроить художественный музей, а то ведь совсем мало в Москве картинных галерей...

Адрес мастерской Левитана отыскать было делом недолгим. В известной книге знатока города Б. С. Зименкова «Памятные места Москвы», вышедшей в конце пятидесятых годов, точно указан этот левитановский адрес: «...в конце своей жизни художник получил прекрасную мастерскую для работы (Б. Трехсвятительский, ныне Большой Вузовский переулок, 1, строение во дворе)».

Побывать по этому адресу, — значит увидеть владение, принадлежавшее на рубеже XIX и XX веков одному из самых известных в России купеческих семейств — Морозовых. А чтобы понять, почему вдруг великий художник-пейзажист стал проживать на земле Морозовых, получив здесь кров и отличную мастерскую, нужно хотя бы несколько слов сказать о представителях этой фамилии.

Наиболее известен из них Савва Тимофеевич — меценат, один из учредителей Московского Художественного театра. Вкусу его доверяли и артисты, и художники, и архитекторы. По заказу Саввы Морозова крупнейший московский зодчий Федор Шехтель выстроил, в частности, дворец на Спиридоновке — улице А. Толстого, ставший шедевром новой архитектуры (ныне Дом приемов Министерства иностранных дел). В стенах этого дворца собирались крупнейшие общественные деятели, писатели, художники, артисты, в нем Савва Морозов надежно прятал Николая Баумана в дни, когда за ним охотилась охранка. Этот фабрикант, «белая ворона» своего класса, оказывал крупную финансовую поддержку партии большевиков, дружил с Максимом Горьким, увековечившим Савву Морозова в очерке, обрисовавшим эту яркую личность.

Брат Саввы — Сергей Тимофеевич — также покровительствовал искусству, этот Морозов — основатель кустарного музея-лавки, нынешнего Музея народного искусства, начавшего собирать изделия кустарей из разных сел и городов России. Если Савва увлекался наукой, театром, то Сергей — живописью, причем пейзажной. Он писал картины. Известный художник Аполлинарий Васнецов оставил о нем упоминание: «Морозов, сам пейзажист...».

Левитан познакомился и подружился с Сергеем Морозовым в конце восьмидесятых годов. В культурной жизни города XIX — XX веков меценаты в силу того, что власти не оказывали помощи

художникам, писателям, музыкантам, сыграли выдающуюся роль: достаточно вспомнить имена Румянцева, братьев Третьяковых, Морозовых, Щукиных, Солдатенкова и многих других. Благодаря им мы имеем сегодня всемирно известные музеи и библиотеки. К числу таких меценатов относится и Сергей Морозов.

Сергея Морозова и Исаака Левитана объединяла любовь к русской природе, пейзажной живописи. В 1889 году, когда Левитану исполнилось 29 лет, он снял морозовскую мастерскую.

Где же она? Пришлось походить по просторному двору, застроенному неказистыми гаражами, перегороженному забором с воротами соседнего вуза — Института электронного машиностроения. И вот возле этих ворот нахожу небольшое каменное двухэтажное строение, часть которого оказалась за глухой стеной, так что увидеть весь фасад практически невозможно. Обойдя строение с другой, не попавшей в зону отчуждения, стороны, и на ней увидел бронзовую мемориальную доску с портретом Левитана. Скульптор особое внимание придал рукам, словно Левитан был скульптором или дирижером. Вытянутые длинные пальцы рук точно дирижируют оркестром.

Где вход? Ищу его в пристройке, появившейся рядом со старой двухэтажной частью дома, где просматриваются следы заделанной двери и некогда существовавшего окна — «верхнего света». И нахожу дверь, что ведет внутрь бывшей мастерской и квартиры Левитана, чья жизнь завершилась именно здесь за 26 дней до сорокалетия.

Внутри здания все перестроено, перегорожено, в нижних комнатах застаю студентов суриковского художественного института: кругом бюсты, барельефы, модели, гипсовые отливки. От хранителя узнаю, что прежде, до студентов, располагалась здесь овощная база, именно она расширила свои владения за счет бесформенных пристроек. Когда стараниями энтузиастов и исполкома Моссовета появилась на стене мемориальная доска, базу закрыли, строение передали институту. Показал мне хранитель и металлическую крутую лестницу, ведущую вверх, на второй этаж, где находилась левитановская мастерская. В ней теперь студенческие мастерские, но они оказались закрыты, и попасть внутрь не удалось.

На том и закончилось первое мое посещение переулка. Из него отправился в библиотеку, чтобы узнать поподробнее все, что известно о жизни Левитана в Москве вообще и в этом переулке в частности. И выясняется, что именно этот район Москвы, куда входят бывший Б. Трехсвятительский переулок, бывшая Хитровка, площадь М. Горького

и улица Солянка, можно считать левитановским.

Подавая прошение в совет Московского художественного общества с просьбой подвергнуть его «установленному испытанию, принять в число учеников училища», тринадцатилетний абитуриент Левитан назвал свой адрес: «Жительство имею: на Солянке, в доме Зиновьева».

Приехавшая из Ковно на постоянное место жительства в Москву семья учителя французского языка Ильи Левитана поселилась в небогатом, но довольно приличном доме. Родители решили перебраться в столицу, чтобы дать четверым детям хорошее образование.

По «Адрес-календарю» за 1873 год я нашел в этом районе Москвы, в «Яузской части», два дома, принадлежавших однофамильцам — дьякону Зиновьеву и статскому советнику Зиновьеву, причем по старой традиции в справочнике указывались только номера владений, фигурировавшие в купчих, и не приводились ни названия улиц, ни тем более номера домов: последние их тогда вообще не имели. Но на каких улицах находились дома Зиновьевых, справочник 1873 года ответа не давал. Найти эти сведения можно было, только забравшись в архивы.

Впрочем, искать мне дальше не пришлось. Эту работу, как оказалось, уже проделал в свое время неутомимый краевед Б. С. Зименков, установивший, что Левитан жил на Солянке, дом № 10.

Дом Зиновьева не сохранился. Соседом его был всем известный памятник архитектуры — бывший Опекунский совет, занимаемый ныне президиумом Академии медицинских наук.

Этот Опекунский совет видел в детстве Исаак Левитан. Из окон квартиры он часами любовался великолепными видами Москвы: poblзости высилось крупнейшее сооружение восемнадцатого века — Воспитательный дом, рядом Зарядье, чуть дальше — Кремль.

Когда у ребенка с удивлением спрашивали: «Ну, что там такого интересного на крышах?», он отвечал: «Погодите, увидите, что я из всего этого сделаю...».

Короткий переулок вел от Солянки, от дома Зиновьева, прямым ходом на Хитровскую площадь, «дно» Москвы, в царство нищеты.

Чтобы не очутиться там, отец Левитана с утра до вечера занимался с учениками, мечтая дать образование своим детям. Старший сын, а за ним младший — Исаак поступили в Училище живописи, ваяния и зодчества, куда они могли на занятия ходить пешком: переулками и по бульварам — к Мясницким воротам.

Лев КОЛОДНЫЙ.
(Окончание следует).

192